

В РОСЛАВЛЕ ¹

В конце июля я уехал в Москву на областную конференцию, а оттуда в Питер на VI съезд партии.

Вернувшись в Рославль, я застал ряды нашей организации значительно поредевшими. Наиболее активные солдаты были на фронт в составе маршевых рот. Штаб постарался. Между тем перед нами стоял вопрос об участии в кампании выборов в городскую управу и уездное земство. Первые были назначены на 15 августа, вторые — на 22 октября (ст. ст.). На заседании нашего большевистского комитета решили кандидатуры выстав-лять, ни с кем не блокироваться, но участие в организационной работе не принимать: сил не хватит. Наш список шел под № 7. В своем воззвании мы предупредили избирателей, что зовем го-лосовать за нас только тех, кто решил беззаветно, до конца бо-роться рука об руку с нашей партией за власть Советов, за социа-лизм. Результат голосования должен был стать мерилom нашего влияния на массы. И результат оказался неожиданным даже для нас самих. Наш список вышел на первое место! Солдатская масса в подавляющем большинстве голосовала за нас. Эсеро-меньшевист-ские комитеты уже никаким влиянием среди солдат не поль-зовались.

Корниловский мятеж повлек за собой еще большее полеве-ние солдатской и рабочей массы, и проходившие в конце сен-тября перевыборы депутатов Совета изменили его состав в нашу пользу: большинство депутатов Совета теперь шло за боль-шевиками. Чувствуя, что почва из-под ног уходит, председатель Совета Резников сложил с себя председательство и уехал в Москву.

Еще до Октябрьской революции Совет стал единственной властью в городе, правда очень еще слабой и неуверенной в себе. 16 октября 1917 года я был выбран председателем Рославльского Совета. Основная задача, которая стояла перед нами в сентябре

¹ Рославль — в 1917 г. уездный город Смоленской губернии. *Ред.*

и октябре,— это коренным образом изменить состав крестьянской секции Совета.

Пользуясь тем, что у нас не хватало сил, рославльские эсеры прибрали крестьянскую секцию к своим рукам, набрали в нее кулаков, устраивали с ними какие-то келейные совещания, не допуская на них посторонних, и всячески старались оградить их от остальной массы депутатов. В уезде уже начался кое-где стихийный захват помещичьей земли и разгром усадеб. Крестьянская секция старалась всячески задержать этот процесс и обращалась в штаб за военной помощью для подавления восстания крестьян. Прежде всего необходимо было разогнать эту так называемую крестьянскую, фактически кулацкую, секцию и провести в деревне выборы новых депутатов. Эта кампания совпала с кампанией выборов депутатов на II Всероссийский съезд Советов. Закончить нам ее до Октябрьской революции не удалось.

Последняя партия отправляющихся на фронт солдат вынесла на митинге резолюцию: «В наступление не ходить, агитировать немцев, чтобы поскорей сбрасывали своего кайзера и организовывали по нашему образцу Советы солдатских депутатов».

В конце октября перестали поступать газеты. Шел только бесконечный поток путаных викжелевских телеграмм. Решили образовать ревком в составе Конопацкого, Носова и прапорщика Клочкова, вступившего в июле 1917 года в нашу партию. Из Совета мы не выходили сутками. На телеграфе организовали дежурство специально выделенного комиссара. Наконец плотина молчания и викжелевской путаницы прорвана: Смоленск сообщил о победе революции в Петрограде, образовании Совета Народных Комиссаров. Вскоре получены были первые декреты Советской власти: о мире, о земле. Немедленно по получении мы их перепечатали в рославльской типографии и расклеили по городу, передали в полки, разослали по уезду.

В Москве еще шли бои, когда ночью меня позвали к прямому проводу из Смоленска. Иду.

— Кто у аппарата?

— Предревкома Конопацкий.

— Говорит комиссар Смоленского военного округа Смолянинов. К вам идет воинский эшелон, направленный фронтом на помощь московским юнкерам. Категорически приказываю: эшелон задержать во что бы то ни стало и разоружить.

Вызвал Носова и Алещенко. Решили, что Носов станет с пулеметом на мосту над путями, держа эшелон под обстрелом; Алещенко поедет на паровозе до ближайшего разъезда и будет ждать у прямого провода приказа разобрать путь.

В Рославле обычно происходила смена паровоза. Даю приказ задержать смену до особого распоряжения. Носов отправился в штаб эшелона для переговоров. Через несколько минут он пришел

с известием: «Сдаются». Оружие — винтовки и пулеметы — мы свалили в комнатушке при железнодорожном клубе, офицерский состав, обезоружив, разместили в зрительном зале клуба. Большая часть солдат — украинцы. Я рассказал им, какую гнусную роль они должны были сыграть. Солдаты с ликованием встретили мои слова о том, что все они могут разъехаться по домам. Я приказал прицепить паровоз и отправил эшелон назад. Следующий эшелон сдался так же легко. Нам помогла темная ночь: офицеры и солдаты не видели, с какими ничтожными силами мы действуем.

Под утро подошел третий эшелон, он оказался менее стоворчивым. Как только эшелон остановился, кто-то из штаба кинулся к паровозу и под угрозой расстрела заставил машиниста вести поезд дальше. С моста застрекотал наш пулемет. Затем, когда поезд проходил мимо военных барачных корпусов, послышалась стрельба. Вскоре Алещенко сообщил с разъезда: «Эшелон согласен сдаться, просит выехать для приемки. Есть раненые».

Когда я выехал, уже совсем рассвело. Перевязав раненых, я пошел принимать сдавшихся командиров эшелона. Все купе штабного вагона было тесно набито офицерами. Я выставил условия сдачи: полное разоружение, офицерский состав будет арестован, гарантирую жизнь; солдаты будут отпущены по домам. Наши условия были приняты, и мы двинулись в обратный путь, к Рославлю. Задерживать долго арестованных офицеров мы не могли: нечем было их кормить, и мы решили постепенно отпускать их небольшими партиями, взяв предварительно обязательство в письменной форме не принимать никакого участия в борьбе против Советской власти.

Кладовая при штабе ревкома теперь была завалена оружием. За несколько дней до описываемых событий мы организовали отряд Красной гвардии, и теперь Носов принялся обучать обращению с оружием молодых красногвардейцев.

Вскоре газеты принесли известие об окончательной победе революции в Москве. Мы решили распустить ревком и создать исполком Рославльского Совета.

В Совет шли со всеми нуждами: тут и разбор конфликтов, и жалобы работниц на своих хозяев, и регистрация брака.

Обратилась к нам и группа солдат-большевиков, высланных из Полотняного завода под Калугой после происшедшего там контрреволюционного переворота и захвата Совета белогвардейскими бандами. Они просили снабдить их оружием и помочь выбить белогвардейцев из Полотняного завода. Мы решили организовать сборный отряд, включить в него и наших красногвардейцев. Организацию отряда мы поручили Носову. От желающих ехать с отрядом не было отбоя.

При отправке эшелона мы договорились, что после освобождения Полотняного завода наша часть отряда вернется в Рославль.

Но, выбив внезапным налетом белобандитов из артиллерийских мастерских, отряд решил двинуться на юг. В Курске им удалось взять в плен и разоружить английский бронеполк, затем отряд частью распался, частью влился в другие красногвардейские отряды. В Рославль вернулся один Носов.

От Московского областного бюро я получил приказ выехать в Москву, так как был выбран на областном съезде Советов в состав облисполкома. С большими трудностями мне удалось попасть в эшелон и уехать из Рославля.

*Рассказывают участники Великого
Октября. М., 1957, с. 324—327*